

Святенскій Архіядьный Ведомости

15-го Марта

№ 6.

1908 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Такъ называемая религія здраваго смысла.

То обаяніе и тотъ авторитетъ, которыми еще не такъ давно была окружена религія Льва Толстого, были обязаны тому, что эта религія провозгласила борьбу со всякой неразумностью, со всякой туманностью во всѣхъ другихъ религіяхъ и усвоила себѣ наименованіе религіи *разумной* или религіи *здраваго смысла*.

Но такова ли религія Льва Толстого въ дѣйствительности? Чтобы быть разумной, эта религія несомнѣнно должна была бы рѣшить или разъяснить центральные вопросы, которые возникаютъ предъ человѣческимъ сознаниемъ.

Есть-ли у Толстого эти рѣшенія или разъясненія?

Первымъ естественнымъ вопросомъ всякаго религіознаго сознанія является вопросъ о происхожденіи міра. Это вопросъ не теоретическій только и во всякомъ случаѣ не праздный. Разработкой его занимается наука. Не можетъ пройти мимо него и всякая разумная религія. Между тѣмъ у Толстого нѣтъ даже намека на какое бы ни было рѣшеніе этого вопроса.

Другой огромной важности вопросъ, начало котораго теряется въ вѣчности, это вопросъ о происхожденіи зла. Но и эта проблема также совершенно изгорируется Толстымъ. Последнее обстоятельство „особенно непонятно въ ученіи, которое въ основу своей морали кладетъ заповѣдь о непротивленіи злу“.

Наряду съ двумя указанными вопросами—можетъ быть отвлеченнаго характера—человѣчество не въ меньшей степени волнуется и вопросами болѣе эмпирическими. Таковы вопросы объ отношеніи Божества къ матеріи, о томъ, существуетъ ли матерія помимо Божества, каковъ вообще ея религіозный смыслъ, а также вопросъ о смыслѣ человѣческихъ страданій.

На первые изъ перечисленныхъ вопросовъ „разумная“ религія Толстого даже и не пытается отвѣтить. Послѣдній же вопросъ—о смыслѣ страданій—Толстой рѣшаетъ, такъ сказать, съ точки зрѣнія повседневности. Онъ трактуетъ лишь о пользѣ страданій въ житейскомъ нашемъ обиходѣ и нисколько не касается ихъ принципиальнаго смысла, ихъ грандіознаго мірового значенія. Между тѣмъ для религіознаго сознанія и религіозной совѣсти важно освѣщеніе вопроса именно въ послѣднемъ направленіи. И надо удивляться, какъ послѣ Достоевскаго, послѣ его мучительныхъ Карамазовскихъ вопросовъ о смыслѣ слезъ невинно-страдающихъ дѣтей, возможны „религіозные мыслители, съ полной беззаботностью проходящіе мимо этой бездонной пропасти, не осмысливъ, не переживъ ее до конца“. Достоевскій въ данномъ случаѣ приноситъ Толстому „смертный приговоръ“. „Не можетъ, не смѣетъ ученіе называться разумнымъ, если оно не можетъ осмыслить невинныхъ дѣтскихъ слезъ“.

Въ виду полного безмолвія „разумной“ религіи Толстого предъ неизбежными вопросами человѣческаго сознанія, является вопросъ: „можетъ ли посягать толстовское христіанство на какую-нибудь историческую роль въ будущемъ, если оно даже и не пытается утолить ту жажду, которая росла въ чело-вѣчествѣ болѣе тысячи лѣтъ?“

Но, можетъ быть, Толстой потому не рѣшаетъ указанныхъ вопросовъ, что самъ-то онъ лично для себя не считаетъ ихъ важными или законными? Но вотъ вопросы, законность которыхъ для Толстого несомнѣнна. Какъ онъ ихъ рѣшаетъ?

При всей запутанности и разбросанности учение Толстого дѣлится на двѣ половины: учение о Богѣ и учение о жизни. Каждая изъ этихъ частей выдвигаетъ свои кардинальные вопросы, на которые Толстой и даетъ отвѣты.

О Богѣ Толстой спрашиваетъ:— „... для чего Богъ, Существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ Себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка? Для чего Существо духовное и единое какъ бы раздѣлилось Само въ Себѣ? Для чего Божественная Сущность заключена въ условія отдѣльности и тѣлесности? Для чего Безсмертное заключено въ смертное, связано съ нимъ?—И отвѣчаетъ: „... Есть высшая Воля, цѣли которой недоступны человѣку“. На вопросъ же о жизни: „зачѣмъ я посланъ въ міръ“? Толстой даетъ такой отвѣтъ: „знать, зачѣмъ мы живемъ, разуму человѣческому *не надо*. Это знаетъ за насъ высшая Воля, насъ пославшая.“

Ясно, что и на законные для себя вопросы Толстой не указываетъ какихъ либо положительныхъ рѣшеній, утверждая даже, что такія рѣшенія и *невозможны* для человѣческаго разума.

Итакъ, пока Толстой ничего не рѣшаетъ въ своей „разумной“ религіи. Но что же онъ, всетаки, рѣшаетъ?

Въ православномъ христіанскомъ ученіи Толстой „безъ всякой“ сколько нибудь глубокой критики отвергаетъ все, что „съ перваго взгляда“ какъ будто противорѣчитъ здравому смыслу, но въ то же время самъ дѣлаетъ утверждения, со здравымъ смысломъ не имѣющія ничего общаго. Такъ, Толстой очевидной нелѣпостью представляетъ христіанское учение о троичности лицъ Божества, единого по существу. Толстому кажется абсурдомъ, чтобы три были одно. Но что, съ точки зрѣнія здраваго смысла, представляетъ изъ себя учение о Богѣ самого Толстого? По Толстому, „Богъ, единый по существу, съ непонятными для человѣческаго разума цѣлями раздѣлился Самъ въ Себѣ, оставаясь попрежнему единымъ“... Почему

же — непонятно — три лица не могут быть единными по существу, а раздѣлившееся Божество может оставаться единымъ?

И вообще всѣ собственные построения Толстого, какъ будто простыя и разумныя съ внѣшней стороны, на самомъ дѣлѣ въ высшей степени туманны и противорѣчивы. Особенно яркой иллюстраціей этой запутанности можетъ служить учение Толстого о безсмертіи. По Толстому, смерть — это перемѣна отношенія человѣка къ жизни. Въ смерти частицы Божества, заключенныя доселѣ въ тѣлѣ человѣка, возвращаются къ своему первообразу и сливаются съ Божествомъ. Но если такъ, то очевидно по смерти душа всякаго человѣка, хорошаго ли, или дурного, должна слиться съ Богомъ и получить блаженство. Гдѣ же тогда различіе между хорошимъ и дурнымъ, между добрымъ и злымъ, должнымъ и недолжнымъ? И не становится ли тогда даже бессмысленнымъ этотъ вопросъ: „все равно — всѣ умремъ и всѣ сольемся съ Богомъ“...

Вотъ изъ какихъ внутреннихъ противорѣчій состоитъ такъ называемая разумная религія Толстого. Въ жертву разуму здѣсь принесено все, и непосредственное чувство, и творческое религіозное вдохновеніе, и научныя данныя, словомъ, вся живая человѣческая душа, со всѣми ея тяжелыми, вѣковѣчными думами. И что же взамѣнъ этого даль этого идолъ, которому беззавѣтно поклонялся Толстой? Даль ли онъ отчетливое, цѣльное, послѣдовательное, хотя бы и узкое построение? Ничего подобнаго. Какъ въ заколдованномъ лѣсу Толстой рубилъ передъ собою христіанскую догматику, противорѣчащую „здоровому смыслу“, но за нимъ снова возставала лѣсная чаща... „*Лежи, съ точки зрѣнія „здроваго смысла“, отбросить даже математическія истины... , но единымъ росчеркомъ пера взамѣнъ разрушеннаго возсоздать христіанскую метафизику и понятную, и стройную, и — главное — приемлемую съ первыхъ словъ, — это невозможно“* (*).

*) *Примѣчаніе.* Мы подчеркиваемъ послѣднія слова: они для всякаго православнаго читателя имѣютъ особое значеніе въ настоящее время, когда только что

Если Толстой не удовлетворяетъ требованіямъ „здраваго смысла“ въ метафизикѣ своихъ воззрѣній, то также онъ слабъ и въ области морали.

И прежде всего здѣсь къ Толстому предъявляется особый вопросъ, до извѣстной степени праздный по отношенію ко всякому религіозному мыслителю, признающему непосредственное Божественное откровеніе. Мыслителя послѣдняго рода не нужно спрашивать, почему онъ то или другое ученіе признаетъ за Божественное: коль скоро ученіе открыто самимъ Богомъ, то само собою понятно—оно и Божественно. Но Толстой не признаетъ Божественнаго откровенія. И Христосъ для его сознанія не Богъ, а только одинъ изъ величайшихъ мудрецовъ. Почему же, спрашивается, Толстой провозглашаетъ ученіе Христа Божественнымъ? Почему не Божественно ученіе, Конфуція или Магомета? — Какихъ либо объективно обязательныхъ данныхъ въ пользу христіанской морали Толстой не даетъ. Онъ просто пишетъ, что христіанское ученіе „единственное ученіе, спасающее отъ страха смерти“, „отъ отчаянія“. „Я понялъ это“, — говоритъ Толстой. Очевидно, христіанское ученіе потому Божественно, что оно близко душѣ самого Толстого. Дѣло сводится, значить, къ личному вкусу. Но если единственнымъ критеріемъ истинности того или другого ученія будетъ служить субъективное чувство спасенія, „тогда одинаково истинными должны быть признаны совершенно противоположныя ученія — христіанство и матеріализмъ“.

Разсматривая моральное ученіе Толстого въ его существѣ также легко подмѣтить его слабыя стороны.

Вся мораль Толстого сводится къ одному собственно требованію: исполнять волю Божию. Но что такое Божія воля? Какъ человѣкъ можетъ знать ее? Толстой говоритъ, что въ каждомъ человѣкѣ заключена частица Божества. Ясно, что

вышло въ свѣтъ общедоступное изданіе Толстого „Критика догматическаго богословія“ (изд. Е. В. Герцика. С.-П.-В. 1908), полного именно разрушительнаго духа по отношенію къ христіанской догматикѣ.

волю Божию каждый человекъ можетъ познавать совершенно самостоятельно *).

Но если такъ, то почему же люди далеко не одинаково понимаютъ Божию волю и за благо въ жизни признаютъ одни то, другіе это? На данный вопросъ мы не найдемъ у Толстого опредѣленнаго отвѣта. Во всѣхъ его разсужденіяхъ замѣтно сквозить затрудненіе такъ или иначе рѣшить вопросъ о содержаніи Божіей воли. Не безъ причины, слѣдовательно, пришелъ онъ къ ученію о непротивленіи злу. Понятно: для того, чтобы бороться со зломъ, нужно со всей ясностью представлять себѣ, въ чемъ именно это зло состоитъ. Если же такого представленія у человека нѣтъ, то несомнѣнно лучше не бороться, чѣмъ бороться, лучше не дѣлать, чѣмъ дѣлать. Вотъ собственно почему такъ стихійно влечетъ къ себѣ Толстого непротивленство и недѣланіе.

Н. Волж—нъ.